

«СОВРЕМЕННЫЕ ЗАПИСКИ»

На протяжении двадцатилетнего существования (1920—1940) «Современные записки» неизменно расценивались очень высоко. И даже десятилетиями после прекращения выхода журнала эта оценка удержалась. В пору расцвета журнала, когда в 1932 году редакция решила отпраздновать выход 50-й книги «Современных записок», по адресу их высказано было, устно и письменно, много чрезвычайного лестного.

Борис Константинович Зайцев утверждал: «среди толстых журналов в прошлом или ныне я равного 'Современным запискам' не вижу». И присяжный критик, поэт Георгий Адамович, находя, что «Современные записки» «один из двух-трех лучших журналов», какие были в России, прибавил: «они не только поддерживают прошлое и настоящее, но думают и о будущем». «Будущий историк по справедливости отведет 'Современным запискам' первое и почетное место в эмигрантской литературе», — писала газета П. Н. Милюкова «Последние новости». «Страницы журнала стали страницами русской эмиграции, ее живой историей». Милюков считал, что «юбилей 'Современных записок' это праздник нашей свободы: здесь сосредоточилось все то лучшее и ценное, что не уместилось в рамках советской диктатуры . . . Журнал как бы говорил: мы — часть России, ее неотъемлемая часть, и, пока мы существуем, нельзя считать русский национальный организм бесповоротно и до конца искалеченным. У нас там, на родине, есть свое законное место, и отнять его у нас нельзя никакими мероприятиями власти». И через 17 лет после ликвидации «Современных записок» издатели книги моих воспоминаний о них в предисловии председателя Отделения славяноведения Университета Индиана, проф. М. С. Гинзбурга, отметили, что журнал является ценнейшим вкладом в литературу о русской интеллигенции в один из самых тяжелых и героических периодов ее истории.

Другой поэт и критик, не слишком благодушный, В. Ф. Ходасевич подсчитал, что за первые 12 лет существования «Современных записок» было собрано до 25 000 страниц литературного материала, и в заслугу редакторам он ставил именно то, что недоброжелателей журнала отталкивало: пятеро политиков, не профессиональных литераторов, взялись руководить «толстым» журналом — «общественно-политическим и художественно-литературным, как значилось на обложке, — и в том преуспели. Ходасевич подчеркнул, что «не будучи ни художниками, ни специалистами-литературоведами, они [редакторы] в беллетристическом и поэтическом отделах журнала собрали все или почти все наиболее выдающееся, что было написа-

но за эти годы за рубежом». Он отметил при этом «ту выдержку, ту терпимость, с какой, дирижируя огромным оркестром более нежели ста сотрудников, редакторы достигли того, что ничей голос не был заглушен и что, при всем разнообразии высказанных мыслей, 'Современные записки' являют некоторое единство».

Мы не обманывались в том, что популярность журнал может приобрести лишь благодаря литературно-художественному своему отделу, а никак не общественно-политическому. В эмигрантском сознании демократия была скомпрометирована и даже политика была взята под сомнение, ее неудачи в России служили для многих неопровержимым тому свидетельством. Многие эмигрантские умы инстинктивно влеклись к родным осинам и к разным формам диктатуры, к легитимизму и «природному царю». Художественная же литература была вне этого и говорила сама за себя.

Воспитанные в традициях классической русской литературы, редакторы «толстого» журнала остались им верны и тогда, когда из читателей превратились в редакторов. Однако, считая себя в этой области недостаточно компетентными, мы с самого начала обратились за помощью и содействием наших друзей специалистов, поэта М. О. Цетлина-Амари и литературного критика, философа Ф. А. Степуна, — ставших нашими консультантами вначале негласно, а потом и открыто.

Наши литературно-художественные вкусы могли лишь косвенно влиять на редактирование журнала. К общественно-политическому же отделу «Современных записок» мы имели прямое и непосредственное отношение. Здесь пристрастие могло легче сказаться. Однако и тут мы старались быть терпимыми и не заглушать голосов с нами несогласных. Не на юбилейном торжестве, а три десятилетия после прекращения выхода «Современных записок», известный историк русской литературы, не имевший никакого отношения к журналу, проф. Глеб Струве, свидетельствовал в американской печати: «Хотя журнал возник по инициативе пяти членов Партии с.-р.» и редактировался ими, он проявил «замечательную широту взглядов и широту вкусов». Мы печатали многое и многих, с чем и с кем решительно расходилось большинство редакторов. Эпизодически на страницах «Современных записок» появлялись статьи о. Георгия Флоровского и ближайшего сотрудника «Возрождения», Кирилла Зайцева, ныне архимандрита Константина Синодальной церкви. А Н. А. Бердяев, Г. П. Федотов, В. А. Маклаков, П. Н. Милюков, Б. Э. Нольде и другие авторы, относившиеся отрицательно к нашим политическим взглядам, так часто печатались в нашем журнале, что их по справедливости можно было бы назвать постоянными сотрудниками.

Политике «выдержки и терпимости», видимо, обязаны были «Современные записки» тем, что по случаю юбилея их приветствовали 19 органов русской печати во Франции, Германии, Чехословакии, Латвии, Харбине, Шанхае и других местах русского рассеяния, и 59 учреждений литературных, научных, просветительных, религиозных, профессиональных, бытовых. Перечень организаций и пе-

чатных органов, посвятивших нашему журналу специальные статьи или приветствия, устные и письменные, иногда трогательные и неожиданные, заняли полторы страницы убористой печати в отчете о праздновании, составленном В. В. Рудневым и напечатанном в 51-й книжке журнала.

В. Ходасевич и другие были правы, когда утверждали, что редакторы «Современных записок» старались, чтобы «ничей голос [сотрудников] не был заглушен». Но все они умолчали — обстановка была не подходящей — о трудностях и конфликтах, которые такая редакционная политика неоднократно вызывала. Литературная продукция оказавшихся в эмиграции 1920—40 гг. поэтов, писателей, публицистов значительно превышала вместимость «Современных записок» и аналогичных изданий того времени. И самые известные авторы соперничали друг с другом за очередь, в которой редакция могла печатать их произведения, не заглушая ничей голос и соблюдая известное равновесие.

В книге воспоминаний о «Современных записках» я привел выразительные примеры трудностей и осложнений, которые мы имели с такими ценными сотрудниками, как Шестов, Шмелев, Ремизов, Осоргин и другие. Как правило, все недоразумения и конфликты кончались благополучно. Особенно часто претензии и недовольство исходили от молодых авторов, пробивавшихся к известности и находивших, что «отцы» их недооценивали и забивали. Много лет спустя один из таких недовольных и «обойденных», С. Варшавский, придумал даже особое наименование для этой категории пострадавшей молодежи — «незамеченное поколение». Это название не соответствовало действительности хотя бы потому, что при свойственной молодежи настойчивости «не заметить» ее и ее претензий было совершенно невозможно.

Что у редакции не было специальных предубеждений против творчества молодых, доказывает перечень авторов, которые печатались в «Современных записках». Из прозаиков — В. Яновский, Л. Зуров, М. Иванников; и из поэтов — Штейгер, Кнут, Ладинский, супруги Блох, Головина, Раевский, Голенищев-Кутузов, Смоленский, Софиев и многие, многие другие.

Возникавшие между редакцией и сотрудниками конфликты, как правило, разрешались за редакционным занавесом, в тайниках редакции. Но случалось, что недоразумения и конфликты получали и публичную огласку: в «Письмах в редакцию» и даже с временным выходом из журнала, который затягивался на 2—3 книжки «Современных записок», и с последующим возвращением в журнал. Едва ли не наиболее громким было столкновение с З. Н. Гиппиус. Гиппиус вообще было не легко сотрудничать в «Современных записках», — как и редакции иметь ее в числе своих сотрудников. Высокомерная небожительница, она была в то же время язвительна и обидчива без достаточных к тому оснований, мнительна и подозрительна. Ее затаенной мечтой было выправить литературно-художественный и политический курс «Современных записок», направить его по же-

лательному ей руслу. Соответственно она относилась к журналу, редакции и своим коллегам.

Чрезвычайное волнение, даже возбуждение — и не только в писательской среде — вызвала «Литературная запись» Антона Крайнего, как подписывала Гиппиус свои критико-публицистические статьи, в 18-й книжке журнала. Здесь автор дал волю чувствам, которые он питал к коллегам. Обо всех, кого упоминала «Запись», она отзывалась отрицательно, порой презрительно или оскорбительно, если не прямо, то косвенно, намеком или игрой слов. Сыр-бор загорелся, однако, не в связи с сотрудниками «Современных записок», а с тем, что автор написал о Максиме Горьком, пребывавшем в то время в «добровольной эмиграции» в Сорренто.

З. Гиппиус написала, — и мы к нашему запоздалому сожалению и стыду напечатали, — что «Горький помогал большевикам в 'изъятии' всяческих ценностей». Это фактически была неправда, потому что, когда большевики «изымали» ценности, Горький был в резкой оппозиции к Ленину и большевикам, которых он называл «обезумевшими фанатиками». Гиппиус позднее оправдывалась, что под ценностями она разумела духовные, а не материальные ценности. Это была, конечно, уловка, или толкование необязательное для читателей «Литературной записи». Редакция опубликовала свое «сожаление» по поводу допущенного «недосмотра». И Гиппиус внесла свои «необходимые поправки». Инцидент, если и не был исчерпан, был приглушен. Вторая «Литературная запись» была и последней. Антон Крайний перекочевал в отдел библиографии, да и там стал появляться много реже.

Не литературная, а политическая «Запись» вызвала нарекания с разных сторон: редакции, сотрудников, читателей. Хотя объяснение-сожаление было опубликовано за моей подписью как редактора и секретаря, я прочел «Запись» лишь в печати, в «Современных записках», — рукописи Антона Крайнего я не видал. Как это могло случиться, станет ясным после того, как я упомяну о втором «недосмотре», случившемся с М. И. Цветаевой, к которому я тоже фактически не имел никакого отношения. В «Современных записках» не было одного лица, имевшего дело со всеми сотрудниками. Деловые сношения определялись близостью отдельных редакторов к тому или другому сотруднику. Все отвечали формально за всё, хотя бы фактически и не были к тому причастны.

Для первых книг журнала особенно острой была нужда в беллетристическом материале. Авторы с именем предпочитали воздерживаться от участия в «эсеровском» журнале — выждать и посмотреть, что у «них» получится. Фондаминскому пришла удачная мысль: предложить Алексею Толстому, жившему тогда в Париже, дать продолжение начатого им в «Грядущей России» романа «Хожение по мукам», который был прерван печатанием с прекращением выхода «Грядущей России». Он предложил Толстому перепечатать начало романа с уплатой вторичного гонорара. Перед таким соблазном Толстой не устоял, и «Современные записки» получили беллетристику для первых семи книжек. Лиха беда была начать, —

Алексей Толстой проложил дорогу другим беллетристам, колебавшимся и выжидавшим.

Прошло несколько лет, и положение резко изменилось: авторам пришлось выжидать очереди, — когда освободится место для их произведений. После удачи с Алексеем Толстым Фондаминский стал «ведать» почти всеми поэтами и беллетристами, которых печатали «Современные записки», — не только своими старыми друзьями Мережковскими, но и новыми — Буниным и Алдановым, и новейшими — Сириным и другими. Я имел дело почти со всеми сотрудниками, поскольку служил посредником между авторами и типографией или выплачивал им гонорар. Личные отношения у меня были лишь с Милюковым и Ходасевичем. Руднев писал в журнале на социально-экономические темы: о «Судьбах русской промышленности», о «Восстановлении буржуазного строя в России», об «Общинном и единоличном землевладении» и т. п., и он ведал сотрудниками-экономистами. С Цветаевой он сблизился по религиозной линии, а не потому что он был близок ее творчеству. Подробности его сношений с поэтессой оставались неизвестны редакции. В частности, я узнал о конфликте лишь через 17 лет уже в Нью-Йорке, когда Руднев и Цветаева уже умерли и «Современные записки» прекратили существование.

В частном письме к Ю. П. Иваску, от 4 апреля 1933 года, Цветаева жаловалась на свою предельную бедность и одиночество и, попутно, — что ее не признают, «просто не знают»: в Россию ее стихи не доходят, а в эмиграции «сначала (сгоряча) печатают, потом, опомнившись, изымают из обращения». Таким образом она обречена на «окончательное изгнание отовсюду, кроме эсеровской «Воли России». Там «не уставали печатать — месяцами! — самые непонятные для себя вещи», — издевалась над приютившей ее редакцией покинутая всеми поэтесса. «Но «Воля России» ныне кончена. Остаются «Числа», не выносящие меня, «Новый Град» — любящий, но печатающий только статьи, и, будь они прокляты! — «Современные записки», где дело обстоит так: «У нас стихи, вообще, на задворках. Мы хотим, чтобы на 6 стр. — 12 поэтов» (слова литературного редактора Руднева — мне, *при свидетелях*). И такие послания: «М. И., пришлите нам, пожалуйста, стихов, но только *подходящих* для нашего читателя. Вы уже знаете...» Большой частью я не знаю (знать не хочу!) и ничего не посылаю, ибо за 16 строк — 16 франков, а больше не берут и не дают».

Положение Цветаевой было трагическим: не только материально безысходным, но и морально-политически нестерпимым. (Ее муж, Сергей Эфрон, был причастен к ликвидации большевика, прегрешившего против приказа большевистских верхов, и позднее сам был ликвидирован теми же большевиками.) Тем не менее ее раздражение, гнев и проклятия были неосновательны и несправедливы. Об этом свидетельствует хотя бы тот неоспоримый факт, что из 70-ти книг «Современных записок», Цветаеву печатали в 36 книжках. И печатали не только ее стихи, в том числе и «стихотворную пьесу в 5-ти картинах» «Фортуна», но и ее воспоминания о себе, о

матери, о Максимилиане Волошине, Андрее Белом, Кузьмине, об «ее» Пушкине и т. д. Несмотря на ее временный уход из «Современных записок», она не прекратила своего сотрудничества в нашем журнале, проклиная его не только про себя, но и вовне.

В. Руднев не был «литературным» редактором в «Современных записках» (да такового вообще не существовало). Его оплошность вызвана была его переоценкой близости к Цветаевой и доверчивостью к ней. Поэтому, не выбирая выражений, он употребил первые попавшиеся: «задворки», «подходящие» и т. п. Надо было знать деликатность Руднева, чтобы не вменять ему в вину того, что в иступлении вменила ему бедная, несправедливо обойденная Цветаева.

Нельзя сказать, что эмиграция «открыла» многих писателей и поэтов. Но наиболее выдающиеся произведения уже прославленных писателей и поэтов увидели свет на страницах «Современных записок». Не стану перечислять всех авторов и все напечатанное ими в журнале. Приведу наиболее существенное и яркое. Бунин был известен и знаменит и до возникновения «Современных записок» и не перестал быть знаменитым после их прекращения. Но многие из наиболее значительных произведений его впервые появились в «Современных записках». Достаточно назвать «Несрочную весну», «Митину любовь», «Солнечный удар», «Жизнь Арсеньева» (в шести книжках журнала), «Дело корнета Елагина».

М. А. Алданов начал печататься в России, но не был известен как беллетрист и романист. Широкою, даже международною, известность он получил только в эмиграции, после того как «Современные записки» напечатали его трилогию о французской революции (в 10-ти книжках) и исторические романы более близкого к нам времени (в 22-х книжках), и их перевели на иностранные языки. Можно сказать, что «Современные записки» открыли Алданова как романиста и тем самым способствовали тому, что Бунин выдвинул его кандидатуру в нобелевские лауреаты. Алданов оживил журнал и своей публицистикой и множеством рецензий на самые разнообразные темы. Приблизительно то же можно сказать и о Сирине-Набокове. До «Современных записок» он печатался с успехом в Берлине, в «Руле» и книжных издательствах. Однако, такое наиболее значительное его произведение, как «Защита Лужина», и спорные „Сатема Obscura“, «Приглашение на казнь» и пресловутый «Дар» появились сначала в «Современных записках», увеличивая популярность автора среди одних редакторов и читателей и отрицательное отношение к нему других.

Приблизительно то же можно сказать и о некоторых других писателях и поэтах, старых и молодых.

Мы старались получить литературный материал и из России, который по разным причинам не был или не мог быть напечатан там. Так мы напечатали «Листки из записной книжки» Льва Толстого; неизданные варианты его «Кзаков» и «Путевые записки». В «Современных записках» появились и «Шесть писем» В. Г. Короленко к Луначарскому и его же пространная статья (в 4-х книжках

журнала) «Земли, земли» — «Наблюдения, размышления и заметки». Были и анонимные корреспонденции из России: N. N. «Советские вожди», X. «Письмо из России», «Советская тюрьма и политика», «Оттуда».

Может быть бесполезным будет здесь коснуться преимуществ и недостатков коллективной редакции по сравнению с редакцией единоличной, или наличием главного редактора. За свыше чем полувековое участие во всякого рода редакциях — журналах «толстых» и «тонких», газетах и сборниках — я держусь того мнения, что при всех отрицательных свойствах коллективного редактирования — неопределенности его направления, зависящего от случайного состава коллектива, я предпочитаю коллективную редакцию единоличной. Главный и решающий недостаток последней — произвольность индивидуального руководства, — по сравнению с руководством многих и разных мнений, исключающих личный произвол и самоуправство. Много, конечно, зависит от качеств или недостатков коллективной и, особенно, единоличной редакции.

Сошлюсь на единоличного редактора А. Ф. Керенского, который, на мой взгляд, был образцовым редактором еженедельных «Дней» в Париже, превратившихся позднее в «Новую Россию». При всем известной нервозности А. Ф., от которой немногим отличалась и присущая мне вспыльчивость и горячность, — за годы сотрудничества с Керенским-редактором, я могу насчитать всего два случая, когда он проявил свою «власть». В одном случае, допускаю, он был прав, забраковав мою статью по несвоевременности ее появления в эмигрантской печати. В другом случае он наложил запрет на статью, направленную против Петра Бернгардовича Струве, с которым в то время у Керенского завязался политический «роман». В данном случае личные отношения главного редактора определили судьбу статьи его постоянного сотрудника и члена редакции. Чтобы не раздражать Струве, Керенский решил разобрать уже набранную статью. Наконец, случай, который я считал недопустимым и «криминальным»: он сводился к произвольному изменению заглавия статьи. Не помню уже, как я озаглавил статью, направленную против Максима Горького, когда тот, примирившись с большевиками, вернулся в Россию и после посещения Беломорского канала печатно восхвалил мучителей чекистов, «осужденных историей убивать одних для свободы других». Статья моя была достаточно резкой, но Керенский для усиления эффекта озаглавил ее еще резче, даже не снесясь со мной: «Горький чекист», — что было броско и эффектно, но неверно и вульгарно.

А. Ф. Керенский, повторяю, был талантливым редактором.

Может быть именно потому, что даже он мог допустить такой произвол, в итоге своего многолетнего опыта я пришел к заключению, что при всех трудностях и недостатках коллегиального редактирования, оно все же предпочтительнее единоличного усмотрения. Редакционный коллектив «Современных записок» состоял не только из единомышленников, но и друзей, связанных многолетними лич-

ными отношениями. И это, конечно, способствовало взаимопониманию и согласию. Во многом расходясь и усердно споря друг с другом, — личного усмотрения и насилия над чужими мнениями у нас не было.

Подводя итоги тому, чем русская эмиграция обязана «Современным запискам», можно в общем виде сказать, что она обязана журналу очень многим в областях художественной литературы, литературной критики и литературоведения. После того как более выдающиеся произведения увидели свет на страницах «Современных записок» и были переведены на иностранные языки, они были прославлены и увидели свет и в Европе и в Новом Свете.